

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от 4 АПР. 1948

Москва

Газета №

Проф. И. РЫЖКИН

ГЕНИЙ РУССКОЙ МУЗЫКИ

Книга Б. Асафьева «Глинка» написана человеком, страстно влюбленным в творчество великого композитора.

Первоклассным композитором Глинку признали в тот же день, когда впервые исполнился «Иван Сусанин». Но только для наиболее чутких современников было ясно, что произведения Глинки знаменуют собой нечто большее, чем появление еще одного первоклассного мастера, и что это большее заключается в утверждении новой — русской — национальной школы на вершинах мировой музыкальной культуры. В. Одовский писал, что, «создав «Сусанина», Глинка положил начало новой эпохе в музыке». Ныне общепризнано, что с Глинкой в области музыкального творчества утвердился новый стиль — реализм. Этот стиль, глубоко родственный реализму Пушкина в литературе и Репина — в живописи, принципиально отличен от романтизма, завоевавшего господствующее положение в западноевропейской музыке XIX века.

В выяснении истинного облика и величия гениального композитора — большая заслуга советских музыковедов и, прежде всего, Бориса Владимировича Асафьева. Автор ведет решительную борьбу за реалистические традиции народной музыки Глинки.

Ни об одном композиторе не было распространено столько неверных представлений, как о Глинке. Глинку пытались изображать ограниченным обывателем.

Б. Асафьев показывает широкий круг интересов, незаурядную начатывность, свободлюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры декабристской поры».

О творческом процессе Глинки почти всегда говорилось как о чем-то стихийном. Из книги Б. Асафьева видно, что композитор сознательно ставил перед собой все новые и новые творческие задачи и глубоко обдуманно разрешал их.

Сколько критических замечаний, чаще всего несправедливых, было высказано об опере «Руслан и Людмила!» Б. Асафьев раскрывает продуманность и закономерность творческого плана второй оперы Глинки. По определению исследователя, «Руслан» — это гениальный опыт музыкального воссоздания народного эпоса о героических странствованиях. Автор не только полно раскрыл содержание этой оперы, но и подробно охарактеризовал формально-композиционные средства, используемые Глинкой.

Любовь к «Руслану», повидимому, определила повышенный критицизм Б. Асафьева по отношению к опере «Иван Сусанин». Некоторые замечания автора справедливы. Так, указывая на необъяснимость пафоса одной из арий Собинина, Б. Асафьев пишет: «Всюду, где, как и в роли Сусанина, сюжет требует от композитора убедительнейшего высказывания о родине и ее судьбах, — качество и то-

нус музыки повышаются. Но если ситуация притянутая и эмоционально-вымышленная — музыка холодеет: остаются лишь словесные тирады». Невозможно, однако, принять утверждение Б. Асафьева о том, что «предстоящая свадьба Антонины и Собинина» является «около» лежащим действием», «лишенным лирического содержания» и что «тема о «детях Сусанина» вклиняется в оперу... неподвижным грузом, да еще с официальной патриотической окраской».

Сочетание страстного увлечения своей темой с огромной эрудицией и мастерством музыковедческого анализа обусловило высокое достоинство книги. С ее страниц читатель смотрит живой, подлинный Глинка, чутко вслушивающийся в музыкальную речь родного народа, понявший его помыслы и устремления и воплотивший их в эпосе «Сусанина» и «Руслане» в лирико-романсов. Б. Асафьев убедительно показывает, что общечеловеческое в творчестве Глинки вырастает на основе народного — национального, «на основе такого его расцвета, когда есть чем поделиться с другими народами».

Исследуя прошлое, Б. Асафьев делает выводы для настоящего.

Русская музыкальная классика XIX столетия развивалась под непосредственным влиянием творчества великого композитора. Творческий опыт Глинки имел жизненное значение не только для своего века. Перед советскими музыкантами стоит задача глубокого освоения этого драгоценного наследия. В наше время музыка в наиболее высоких ее проявлениях стала делом всего народа, а творчество Глинки отвечает запросам самых широких народных масс.

Подлинное ощущение требований нашей современности — вот главная причина жизненной убедительности и свежести книги Б. Асафьева.

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на точность и выпуклость характеристик, данных Б. Асафьевым различным произведениям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивался композитор на своем творческом пути. О вступительных сценах в «Иване Сусанине» и в «Руслане» исследователь, например, пишет: «Интрадукция в начале оперы, как потом и в «Руслане», является своего рода экспозицией народной силы и народного характера и строя жизни».

Мы уже отмечали мысль Б. Асафьева о том, что качества и тонус музыки Глинки повышаются там, где требуется убедительнейшее высказывание о родине и ее судьбах. То же можно сказать о музыковедческих работах самого Б. Асафьева: творческий успех его книги о Глинке объясняется тем, что в ее основе лежит властная потребность высказаться о судьбах русского музыкального искусства, неотделимого от судеб Родины.